

ИГОРЬ СИДОРОВ

**ПОТЕРЯННЫЙ
ЛОКОН**

Игорь Сидоров
Потерянный локон

«Издательские решения»

Сидоров И.

Потерянный локон / И. Сидоров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-906812-5

Порой для наказания виновных требуется самому преступить закон. На карту главный герой ставит свои принципы и принципы закона. Совершая поступки по совести, он затрагивает ценности семьи. Правильно ли поступал он, — решать читателю.

ISBN 978-5-44-906812-5

© Сидоров И.
© Издательские решения

Потерянный локон

Игорь Сидоров

Порой, для наказания виновных, требуется самому преступить закон. На карту главный герой ставит свои принципы и принципы закона. Совершая поступки по совести, он затрагивает ценности семьи. Правильно ли поступал он, – решать читателю

© Игорь Сидоров, 2018

ISBN 978-5-4490-6812-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Оперативные совещания в Борском РОВД Фокин не любил, впрочем, их никто не любил. Все сотрудники день проведения общего оперативного совещания называли не иначе, как «черный вторник». День этот строился следующим образом: сидящее на трибуне руководство говорило по очереди о цифрах и процентах прошедшей недели, то есть с прошлого вторника. Самое нелепое, что эти цифры и проценты ни в коем случае не отражали истинного положения дел в низах, среди таких, как Фокин – оперуполномоченный уголовного розыска, капитан милиции, 34-х лет от роду, работавший с начала своей службы «на земле».

После выступлений высшего звена руководства начиналась их «вторая серия» с разбором причин и высказыванием необходимых мероприятий по исправлению положения с низкими результатами раскрываемости. Все эти тирады выслушивались Фокиным сквозь дрему, так как он знал о них наперед. За 14 лет его службы они ни разу по своей сути не менялись. Если на молодых сотрудников, открывших рот и слушавших, слова с большой трибуны и производили какое-то впечатление (это Фокин замечал по тому, что они делали какие-то пометки в своих журналах), то Фокин знал уже, что ему делать. Такой болезнью он переболел уже 10 лет назад, когда понял, что ни к чему хорошему активное выполнение общих указаний не приведет.

Что говорить, Фокин Александр Иванович был неплохим опером и с головой. И отношение руководства к нему было неплохим, но не того руководства, которое сидело на трибуне, а ступенью ниже. У «верхнего» руководства РОВД была задача не спустить показатели раскрываемости Борского РОВД ниже средних по области, у руководства Фокина, – начальника Заречинского отделения милиции Борского РОВД, – быть впереди двух других отделений города. Чаще всего, это удавалось, и не секрет, что во многом, благодаря работе Фокина. Об этом знал начальник криминальной милиции Заречинского отделения подполковник Рябцев. Нередко они выпивали вместе бутылочку после удачного раскрытия и говорили о многом, но он был не царь и не бог, у него были тоже проблемы в головном РОВД, где не видели его заслуг по стабильно высокому проценту в сравнении с другими отделениями. Руководство видело это в простоте работы Рябцева в Заречье, объясняя это тем, что его район обособлен, и все там можно раскрывать. Руководство не понимало, чего это стоило Рябцеву, когда тот спускался к сотрудникам «вниз» и был в работе с ними на равных, одновременно понимал и требовал. Благодаря его усилиям отделение избавилось от лентяев, коллектив сформировался добротный и просьбы-требования Рябцева воспринимались нормально и почти с пониманием, когда в выходные и по ночам выходили на мост, отделяющий Заречье от всего города и устраивали «зачистки», то есть законные, но тяготящиеся, по несколько часов проверки документов криминала, прибывающего в Заречье. Группировки, приезжающие в Заречинский район, чтобы чем-нибудь здесь поживиться, были сами не рады этой затее и, в большинстве своем, не испытывали

желания приезжать сюда, так как могут быть «засвечены» на въезде или выезде, например, с краденным. Со своими бандюками работать было проще, так как Рябцев привлек на работы тех, кто был родом из Заречья и тут же проживал, поэтому всех негодяев знали в лицо, знали связи.

Все это руководством не было должным образом оценено, и за бутылочкой эта тема была частой у Рябцева и Фокина. Они во многом понимали друг друга, но вот сделать ничего с этим не могли. «Верхи» требовали еще больших процентов раскрываемости.

Хорошее отношение Рябцева к Фокину было обусловлено и тем, что он видел, как Фокин свою работу любит. Когда шла перспектива раскрытия, он отработывал полностью и не роптал на время и болезни. Самые сложные дела он поручал Фокину и мог в деле на него положиться. Впрочем, Фокин был не без греха. Зная свои заслуги, переработанное время, разок в месяц мог употребить на работе и отдохнуть.

Фокин понимал, что все наказания ограничатся фразой Рябцева в его адрес: «Ты давай завязывай». Самое интересное, что эти слова на него действовали, и он завязывал и вновь брался за работу. Фокин был хорошим опером, но не сказать, что он хватал звезды с небес. Его заслуги были обусловлены тем, что он мог из ничего сделать многое. Небольшие кражи он облачал в документы и с виду бросовое преступление доводил до суда, чем поднимал процент Заречья.

Отношения к работе не могло не оказывать влияния на семью. С Леной они жили хорошо благодаря ей. Она во всем старалась понимать мужа, но многое она просто понять не могла. Больше всего ее нервировало, что мужа в любой момент, включая ночь, могли вызвать, и он бросал все, собирался быстрее, чем когда нужно было выбросить мусор. После короткого разговора по телефону, нескольких вопросов звонившему, Фокин был уже там. Ей оставалось молча подать ему чистую рубашку, если нужно, чистые брюки, напомнить, чтобы не забыл сигареты и мобильник. Вторую половину ее нервов забирал приход мужа домой. После тяжелого дня, возможно и суток – двух, он выпивал. Выпивал немного, но к запаху она была чувствительна. Поначалу их совместной жизни на этой почве она пыталась выяснять отношения, но будучи женщиной умной, она прекратила эти скандалчики, видя, что они никакого результата не давали. В таковые моменты она чувствовала к мужу двойственное отношение. С одной стороны, она его любила и не могла не видеть, что он ее тоже любит. Но больше нее он любит пятилетнюю дочь, которая отвечала ему еще большей любовью. Лена любовалась их отношениями в редкие свободные выходные и вечера. Таня души не чаяла в отце и этого не скрывала, объясняясь ему наивно, по-детски: «Я тебя сильно, сильно люблю, пап, ты такой хороший». Это было красиво и честно. Ревности от любви дочери к отцу Елена не испытывала, но ей дочь подобных слов не говорила. В ее принципах было воспитывать дочь более строго. С какими-то их отношениями она была не согласна, но некоторое баловство позволяла Фокину, потому что считала, что строгостей будет достаточно и с ее стороны. Такова была положительная сторона ее отношений к мужу. Отрицательную сторону составляли его часы за бутылочкой, в то время, когда она его ждала, порой несколько суток. Эти часы и последующие отсыпные, были для нее на вес золота. Во время сна мужа она тихонько плакала в подушку. Она подолгу говорила с собой и, естественно, себя жалела. Она заглядывала в прошлое и спрашивала себя, правильно ли она сделала, выйдя замуж за Фокина. После длинных тирад в свой адрес и не менее длинных в ответ, она засыпала. А утром она готовила завтрак, собирала дочку в сад, подавала носки и рубашку мужу и понимала, что дала волю чувствам ночью и нужно возвращаться к жизни, которую, все-таки, выбрала не зря. За ней стоял авторитет мужа в Заречье, который не мог до нее не доходить, стабильный его заработок. Пусть невеликий, но на жизнь им хватало, и наконец, ожидаемые 6 лет, которые оставались Фокину до пенсии. Она знала, что звездной болезнью он не страдает, в руководство и в генералы не рвется, да и устал. Через 6 лет он будет

принадлежать только ей и дочери, они будут часто вместе. Она видела, что Фокин устал и, конечно, надеялась, что по истечении выслуги работать он больше не будет.

В то утро Фокин проснулся как обычно – до звонка будильника, протянул руку и нажал на кнопку, параллельно потянувшись. Лена сопела на другой руке с застывшей улыбкой от прошедшей ночи, принесшей им полное удовлетворение. Фокин смотрел на нее и боялся пошевелить затекшую руку, но вставать все-таки пришлось. При попытке вытащить руку Лена сразу проснулась с вопросом, в таких случаях обычным для нее:

– А сколько времени? – Этот вопрос был задан еще до пробуждения и поэтому Фокин не стал отвечать, а аккуратно переложил голову жены на подушку и пошел на кухню за своей первой сигаретой. За то время, пока включил чайник, умылся и брился, Лена проснулась окончательно и на кухне подкралась к нему сзади, и неожиданно, но нежно схватила его за то, что послужило причиной их крепкого, здорового сна. Он развернулся и поцеловал ее, тоже не забыв пробежаться руками по всему, чему положено.

– Во сколько придешь сегодня?

– Минут через пятнадцать.

– А что так рано?

– Да сделать нужно кое-что.

Далее разговор на эту тему терял смысл, и Лена приступила к приготовлению завтрака дочке.

Утро было для Фокина неплохим и не предвещало ничего неприятного, но при подходе к крыльцу отделения что-то в груди у него неловко зашевелилось. На крыльце стоял Петрухин, – старший опер. Глаза его бегали и остановились на Фокине до того, как могли увидеть. В такие моменты знал он, что есть нехорошая весть. Петрухин был другом начальника уголовного розыска Борска и все новости, чаще неприятные, узнавал первым. Эти новости в его устах обрастали страшилками, и, выслушивая их, Фокин делал сорокапроцентную скидку, чтобы приблизиться к реальности.

– Наш розыск вызывает Кордюк, иметь нас будут, звонил сюда, мне на мобильник, орал, весь не в духе, ничего толком не сказал, только приезжайте и все – тирада Петрухина сопровождалась охами и вздохами, междометиями, ну, в общем, в его духе.

Кордюк – полковник, начальник Борского РОВД, всего того, что процитировал Петрухин, сказать не мог, и Фокин сделал вывод, что он позвонил в дежурную часть и просто вызвал к себе розыск Заречья. О целях вызова, он пока не догадывался.

– Ну, значит приедем – бросил он по пути в сторону Петрухина и прошел к себе в кабинет. Возле кабинета его ждал еще один сюрприз в лице дамы, его возраста, но выглядевшей явно не жительницей Борска. Он вспомнил, что за стрекотней Петрухина забыл спросить у того, чей новенький Лексус с московскими номерами стоит у входа, но, сопоставив внешний вид шикарной машины и внешний вид сюрприза стоящего, возле его кабинета, он был почти уверен в том, что они сопоставимы.

– Это Вы Фокин? – странно, но внешний вид дамы совсем не соответствовал ее интонации. Вопрос был задан негромко, спокойно, мягким голосом и, как ему показалось, что-то просящим. Хотя он ждал высокомерного отношения к себе, как к вассалу. По этой причине Фокину пришлось изобразить легкую улыбку, смягчить голос и в тон заданному вопросу и интонации ответить:

– Да, что у Вас случилось? Проходите, присаживайтесь.

Дама тоже облегченно вздохнула и улыбнулась. Судя по всему, она также не ожидала такой встречи, наверное, думала, что ее встретит грубый ментовский рык. Расположившись друг напротив друга за столом, Фокин смотрел на даму и ждал от нее объяснения причин

их встречи. Той, видимо, начало разговора не удавалось, но после длительного усаживания на стул, поправления шляпки и натурального меха на рукавах куртки, начала свою речь:

Понимаете, мне порекомендовали Вас. Я здесь неофициально. Понимаете, я ищу одного человека. Он из Вашего города, не можете мне его найти? Я писать, конечно, ничего не буду, эта просьба личного, конфиденциального характера.

Фокин выслушал даму с ответным взглядом ей в глаза с имитацией абсолютного внимания. Первое положительное впечатление в начале разговора всегда располагало человека на более откровенный разговор. Это был уже профессионализм. Теперь ему предстояло аккуратно выяснить, почему она, уважаемая дама, приехала в их захолустье из Москвы с целью неофициального поиска какого-то человека, обратилась именно к нему, все это его заинтересовало.

– Простите, пожалуйста, – начал он все в том же участливом и располагающем тоне, – меня Вы уже, судя по всему, знаете, а я вот с Вами еще не познакомился. Вы меня простите, но гости столицы для нас редкость.

– А как Вы узнали, что я из Москвы? – собеседница явно волновалась и, наверное, просто не вспомнила об оставленной у входа машине.

– Ну, работа такая-с – с улыбкой и удовольствием от прописной поговорки ответил Фокин. Ему было, все-таки, приятно, что даже ерундой он смог пощеголять перед гостьей своим профессионализмом.

– Впрочем, теперь я вижу, что мне правильно порекомендовали именно Вас.

Итак, контакт был установлен, и Фокин приготовился выудить у собеседницы все, что ему потребуется в процессе разговора. Та уже доставала из шикарной сумочки паспорт для знакомства, но в это время зазвонил телефон. Петрухин уже посутил насчет машины и торопил Фокина для поездки в центр.

– Давай быстрее, только тебя и ждем.

Слова Петрухина на Фокина никакого эффекта не производили, так как они были самыми старыми в розыске Заречья. Фокин был уверен, что собрались еще не все. Ему самому захотелось выяснить, кого же ищет дама.

– Ладно, сейчас выхожу – сказал он в трубку и вновь взглянул в глаза гостье.

– Вы сильно торопитесь?

Фокин увидел в руках у нее фотографию в короткий миг, когда та вынимала ее из сумочки вместе с паспортом, он заметил на ней обнимающуюся пару. Свою собеседницу он узнал, а вот ее визави на фотографии рассмотреть не успел.

– Вы знаете, я постараюсь Вам помочь, но давайте встретимся часа через три. Если к этому времени я освобожусь, то обязательно Вас выслушаю, а сейчас, извините меня, нужно отъехать.

– Конечно, конечно, только оставьте мне,

пожалуйста, Ваш телефон. Я Вам позвоню, и мы точнее договоримся о времени встречи.

В этот момент, когда они уже поднимались со стульев, Фокину удалось заглянуть в фотографию, и он узнал на ней Ваську Морина. Теперь он знал, что дама ищет его. Это Фокина успокоило, но Марии Сергеевне, судя по паспорту, он ничего не сказал, и не подал вида. Ему захотелось продолжить разговор и побольше выведать про Ваську. Возможно, он что-то натворил, и пахло очередным выявленным преступлением. Запирая кабинет, он вновь бросил в адрес гостьи участливый, озабоченный взгляд. При расставании, он вновь участливо произнес:

– Ну, жду Вашего звонка – Фокин после этой фразы вышел к машине.

У машины уже сучил ножками Петрухин

– Ну, чего ей надо? – кивая на «Лексус», с улыбочкой спрашивал он. Видимо, он уже узнал, что посетительница ждала Фокина. Любопытство его явно разбирало.

– Да не знаю, не успели переговорить, ушел от ответа Фокин.

По пути в центр Фокина одолевали мысли по поводу Васьки Морина. Что он мог натворить в Москве, чтобы вызвать такой неофициальный визит? Васька в криминале замешен не был, если не считать его редких пьяных выходов на дискотеках и ресторанах, но ничего серьезного за ним не было. Все обращения по поводу него сводились к разбитию стекол, либо получением по шее им самим, за излишнюю приставучесть к женскому полу. По шее он получал от их кавалеров, наверное, за то, что был он достаточно смазливый, и девки к нему липли. Впрочем, из-за тумачков он переживал несильно, и все обычно заканчивалось миром. Он уезжал в Москву, где работал охранником в какой-то фирме. Ранее Васька Фокина не интересовал. Абсолютной логики в визите дамы Фокин не нашел, так как машина уже подъезжала к центру. Петрухин сразу побежал в РОВД, а Фокин и другие опера встали у входа покурить. За это время Петрухин забежит в кабинет начальника розыска и все выведает более конкретно. Молодые опера, уже раскусившие немного Петрухина, смотрели за Фокиным и ждали его команды, так как ему доверяли больше. Выкурив сигарету, Фокин зашел в РОВД, остальные последовали за ним. Зайдя в кабинет начальника розыска, Фокин поздоровался и кивнул сидящему Петрухину:

– Ну что, пошли?

Петрухин поднялся, и все вместе направились к Кордюку. Улыбнувшись секретарше в приемной, Петрухин подшутил:

– Ну что, нас уже жаждут?

– Нет, он пока занят, у него зам. прокурора Урганин.

А вот это Фокина совсем не обрадовало. Урганин был в прокуратуре человеком новым и проработал около полугода. За это время он показал себя с различных сторон. Человеком он был достаточно умным и юридически очень грамотным. Благодаря «новым веяниям», он рыл под милицию, благо курировал ее по должности. Надо отдать должное, когда он поддерживал обвинение в суде, то был очень принципиален, адвокатов разваливал полностью. Приговоры в судах с его участием были почти всегда по максимуму. Он же требовал направления дел в суд по серьезным статьям, чтобы в них была полная доказуха. Следователи получали от него немало взысканий, порой и лишку, но, тем не менее, с приходом Урганина преступники арестовывались быстрее и чаще. Просто так к Кордюку он не заходил. Фокин искал связь между вызовом их и визитом Урганина. Первая мысль была о том, что тот что-нибудь накопил у них в оперативных делах и требовал крови. Слава богу, из кабинета он вышел с улыбкой, что-то шутивное бросил напарнику Фокина – Вовке Лебедеву, следовательно, большой грозы не будет, а с мелким дождем они справятся.

Кордюк пригласил всех сесть за заседательский стол. Тон его был совсем не такой, каким его представил Петрухин.

– Так, мужики, с процентом раскрываемости у вас, конечно, хорошо, спасибо вам за это, но давайте посмотрим на ваши раскрытые дела. Квалифицированные преступления у вас раскрываются также плохо, как и в других отделениях. Да и с оперативной работой у вас хорошо только по цифрам. Серьезные группы у вас из разработки выпали. Перекрываете разработкой алкашей, которые и без разработки в тюрьму сами сядут. Так что вот, мое к вам требование и просьба – чтобы за месяц раскрыли три серьезных квалифицированных тяжких преступления. Если с таковыми задачами справитесь – честь вам и хвала. С оперов других отделений все надбавки снимем, вы получите все по максимуму.

Последняя фраза не произвела на Петрухина никакого впечатления. Благодаря дружбе с начальником уголовного розыска, у него и так все было по максимуму. Заслуги остальных просто не замечались, так как все руководством оценивалось с подачи Петрухина.

Кордюк продолжал:

– Что нужно Вам для этого – говорите. С бензином дополнительным помогу, машину еще на вас выделю, но если через месяц результата не будет, от меня пощады не ждите.

Весь тон его был одновременно и требовательным и просящим. В словах его была действительно правда, и опера это понимали. Беспольный крик и ругань, наверное, не оказали бы влияния, но в этом случае его слова до оперов дошли. По дороге в свое хозяйство каждый начал выискивать в своих загашниках серьезные группы и думал, как раскрыть серьезные, квалифицированные нераскрытые преступления. Думал над этим и Фокин. У него в ведении были за последнее время две нераскрытые квартирные кражи, которые, как говорится, были сделаны «чисто». Ни на одной из них не оставлено ни слединки. Воры работали в перчатках и носках на ботинках. Фокин отработал по этим кражам много, но зацепиться было просто не за что.

Впрочем, над кое-чем ему поработать, все-таки, нужно было. На его земле действовал, так называемый, благотворительный фонд «Опека». Руководил этим фондом бывший начальник уголовного розыска Хариков. С виду его компания была безобидной и выполняла роль охраны некоторых предпринимателей, их ларьков, магазинчиков и контор. В действительности, все было не так. Он собрал вокруг себя более-менее квалифицированный криминал и занимался элементарным вымогательством. К владельцу магазина приходили двое – трое ребят и предлагали свою помощь в негласной охране. Тон был вежливый, но в конце всегда звучала фраза: «Обстановка в городе сложная, могут и спалить». Хариков начинал именно с этого – горели ларьки, машины тех, кто отказывался от его помощи. Хариков был не глуп и понимал, что все его другие действия могут быть раскрыты, а он то знал, что раскрыть умышленный поджог очень трудно. Всегда поджоги относились к категории самых нераскрываемых. Слух об «Опеке» по городу разнесся быстро, и к нему потекли деньги – в основном, черный нал. Для отмазки силами своих орлов он охранял пару магазинов и, с финансово-налоговой стороны, у него было все в порядке. Но это была лишь вершина айсберга. Официально у него работало семь человек, в действительности, под ним находилось порядка полсотни отморожков, которые не гнушались ничем – ни наркотиками, ни грабежами, ни квартирными кражами. Благо юридическая помощь была всегда под рукой. Естественно, половина от наживы, также черным налом шла в «Опеку».

Таким образом, благодаря разговору с Кордюком, Фокин решил всерьез заняться «Опекой». В случае успеха его авторитет поднялся бы на пару уровней. Ведь «Опекой» занимались спецы из области, но у них ничего не получилось. Здесь нужно было действовать продуманно и неординарно. Итак, решение было принято, и Фокин после того, как закончит со своей посетительницей, намеревался вплотную заняться имеющейся у него информацией на «Опеку».

Тем временем, автомобиль подкатывал к зданию отделения. Фокин еще издалека увидел прогуливающуюся вокруг «Лексуса» Марию Сергеевну. Выйдя из машины, он сразу направился к ней. Заметив его, она явно обрадовалась. Судя по всему, она никуда не уходила и ждала его.

– Ну, пройдемте со мной, договорим,

– улыбкой пригласил ее Фокин, но улыбка оказалась несколько натянутой. Два часа ожидания не прошли для Марии бесследно, и Фокин это заметил. Если при первоначальном взгляде, он посчитал ее ровесницей, то теперь было видно, что ей явно за сорок – макияж на лице явно поубавилось, и на лице проглядывались явно немелкие морщины. Кроме того, не в ее пользу было бесцельное хождение и ожидание.

Естественно, в кабинете он предложил

кофе, и Мария не отказалась. Включив чайник и, поставив перед посетительницей сахар и кофе, Фокин снял куртку и уселся, напротив. Разговор вновь начинался с трудом. Дабы не переживать вновь трудное начало, Фокин незаметно отсоединил телефон.

– Понимаете, я Вам говорила, что я здесь

неофициально и просто прошу Вас мне помочь найти одного человека, – решив начать, с волнением, но уже с меньшим, заговорила Мария Сергеевна.

– Вы уж меня простите, но, как сотрудник милиции, я просто обязан знать, с какой целью Вы его ищите. Поставьте себя на мое место. У меня, по всей логике, возникают нехорошие вопросы, а, может, Вы разыскиваете главаря банды колумбийских наркоторговцев, которого Вам заказала другая банда наркodelьцов из Венесуэлы и, Вы, воспользовавшись своим обаянием, решили войти в контакт с молодым и неопытным опером и выведать у него все о потенциальном покойнике. Затем, убив его, Вы убьете и закопаете меня, чтобы не оставлять свидетелей Вашего интереса. – Все это Фокин говорил с явной иронией и улыбкой. Перейдя на более серьезный тон, Фокин продолжал – Вы меня правильно поймите – помогая Вам неофициально, я должен быть абсолютно уверен в том, что моя помощь Вам не навредит, не только Вам, но и никому другому, так что я прошу Вас быть со мной абсолютно откровенной. Со своей стороны, я гарантирую, что наш разговор останется строго между нами.

– Слова Фокина, кажется, произвели должное впечатление, и она начала отпивать свой кофе. На взгляд Фокина, она в чем-то сомневалась или думала, что именно можно было рассказать Фокину. Он не упустил возможности склонить собеседницу в свою сторону, когда та находилась в состоянии неустойчивого равновесия.

– Вы только не думайте, что я начну, узнав что-то от Вас, использовать это против Вас. Постарайтесь убедить меня в том, что Вы не преследуете никаких противозаконных целей и можете не говорить всего полностью, скажите только то, что убедит меня в Вашей безобидности, благо для этого осталось сказать совсем не много.

Ослепительно и удивительно откровенная улыбка Фокина, его взгляд прямо в глаза Марии окончательно склонил ее в его сторону.

– Хорошо. Я Вам расскажу. Мы с этим человеком, которого я ищу, встретились в ресторане, познакомились случайно. – Тут Мария запнулась и не могла сформулировать следующую фразу – ну, в общем, у нас был роман. Мы жили вместе, все было хорошо, но потом у него начались какие-то проблемы, Он ведь из Вашего города. Ему на мобильный стали часто звонить, он нервничал, затем, через пару дней, он сказал, что работает менеджером в какой-то строительной фирме. Он заключил договор на поставку стройматериалов, внес деньги фирмы в качестве предоплаты, а фирма стройматериалов оказалась липовой, и он теперь попал на деньги. Он сказал, что съездит домой, за два-три дня уладит свои дела и вернется. И вот уже месяц его нет, мобильник его заблокирован. Я прошу, помогите мне его найти. Мне, конечно, наплевать на деньги – пять тысяч долларов – это ерунда. Я боюсь, не случилось ли с ним что-нибудь?

– В принципе, проблема Ваша понятна – участливо произнес Фокин. Для него было уже ясно, что Васька Морин «развел» дамочку как последнюю «лохушку» на пять тысяч баксов и сейчас эти бабки прогуливает в ресторанах и казино, но Фокина мучил вопрос, как это все преподнести Марии. Он уже видел, что та его не обманывает и просто хочет вернуть Ваську, что ей явно не удастся.

А что Вы о нем знаете? – С видимой обеспокоенностью, взяв лист бумаги и ручку, спрашивал Фокин.

– Вы знаете, его зовут Василий. Честно говоря, я даже его фамилии и адреса не знаю. Знаю, что он из Вашего города, но у меня есть его фотография. Она достала уже попадавшееся на глаза Фокину фото, и он взял ее, и с наигранным любопытством уставился на нее, сделав гримасу загрузки мыслями.

– Ну что ж, сведений немного, найти этого человека потребуется достаточно много времени и сил – Фокину не шло на ум, что можно произнести в ответ даме.

– Да Вы не беспокойтесь, я понимаю, что отвлекаю Вас от работы, но все это я могу немного компенсировать. С этими словами Мария достала из сумочки лопатник и из пачки сто долларовых купюр отсчитала половину и подвинула по столу к Фокину. У того в горле

пересохло. Если бы сейчас в кабинет зашел даже министр внутренних дел, он выставил бы и его. Зная человека, которого безутешная посетительница хочет найти и оплачивает поиск так щедро, Фокин не отдаст это поручение никому. Поиск Васьки Морина не превысил бы для него и пятнадцати минут, но такие деньги отрабатывать за такое время с минимальными усилиями было бы, по крайней мере, неприлично. Теперь нужно было изобразить бурную поисковую деятельность и через пару дней предоставить Ваську Марии Сергеевне.

Убрав деньги на книжную полку над столом, Фокин сделал вид, что размышляет над планом будущего розыска. Он действительно размышлял, но над тем, как ему это дело обставить более-менее респектабельно. Впрочем, он решил окончание всей этой истории оставить на потом.

– Ну что ж, я Вас смею заверить, в том, что если этот Василий из нашего города, то мы его найдем. С Вашего позволения, я оставлю у себя Вашу фотографию?

– Конечно, только давайте его изображениеотрежем от меня. Вы меня поймите, на меня произвели впечатление Ваши слова о том, что я могу кому-то доставить неприятности своими поисками, поэтому будем корректны.

А Мария Сергеевна была совсем не глупа, и ее инцидент с Васькой был, чувствуется, бурным, мимолетным романом, пришедшим к логическому концу, возможно, она об этом догадывалась.

– Конечно, конечно – достойно подыгрывал ей Фокин и аккуратно ножницами отрезал Васькино изображение, запечатленное явно в каком-то недешевом кабаке, и положил его в ящик стола.

Далее разговор свелся к распитию еще по чашечке кофе и к беседе, с первого взгляда, ни о чем, Впрочем, в ходе которой Фокину удалось выяснить, что Мария является владельцем сети парфюмерных магазинов в Москве, имеет сына, на год младше Васьки Морина, с финансовым вопросом у нее все нормально. «Лексус», на котором она приехала, является машиной «разъездной». Обычно она пользуется Мерседесом последней марки, к которому прилагается личный шофер. В конце разговора Фокину позвонил в местную гостиницу, где администратором работала его одноклассница, и заказал лучший номер. Они обменялись телефонами и расстались взаимно удовлетворенные результатами встречи. Фокин – пачкой баксов, а Мария Сергеевна – отношением Фокина к ее проблеме, которое Фокин за пять тысяч долларов изобразил с таким талантом, что его за эту сцену без экзаменов приняли в лучшие театральные институты.

Настроение было на высоте. Фокин уже планировал, как распорядиться деньгами – благо Ленка давно планировала обновить мебель. Мысли о том, как он расстанется с Марией, в голову просто не шли – будет время – на месте сориентироваться можно. С этим проблем не будет. А вот к разговору с Кордюком вернуться нужно. Фокин заставил себя задуматься над этим. В принципе, пару дней назад ему был звоночек от информатора о том, что на железнодорожной станции стоит состав с военной техникой, вокруг которого совместно с командиром части кружились ребята из «Опеки», переписывали номера двигателей и рам машин, тягачей, что-то между собой активно «перетирали». Сначала Фокин не придавал этому большого значения, а вот теперь можно было над этим задуматься. Нужно было встретиться с информатором и, благо деньги халявные были, озадачить его более конкретно. Информатор под псевдонимом «Барчук» был парень ушлый – нелегально занимался посредничеством во всякого рода сделках и периодически «сливал» Фокину сбыт краденного, причем, он и сам был не прочь нагреть руки на этом. Суть его была в том, чтобы «выжать» дармовую копеечку. Фокин завербовал его пару лет назад, когда тот попался на скупке оргтехники по дешевке, украденной из офиса одной фирмы. Дело было бесперспективным, но Фокин нагнал жути на «Барчука» и обставил все так, будто он замял скупку краденного. В действительности, он провел похищенное через своего другого агента и вывел «Барчука» из свидетелей, естественно, лишив его навару и с условием, что тот будет давать информацию. «Барчук» тюрьмы боялся панически, и пер-

спектива занять в лице Фокина покровителя его засосала, и он согласился. За первые полгода, он выдал три-четыре информации, по которым Фокин раскрыл преступления, но в дальнейшем информация от «Барчука» шла все реже и реже, ведь сдавая Фокину что-то интересное, он терял навар. Фокину приходилось из него что-то тянуть чуть ли не клещами. Имея в кармане деньги, Фокин знал, что «Барчук», увидев зеленые, вновь начнет работать как следует, ведь он за копейку родную мать продаст. Если вознаграждения, которые он выдавал «Барчуку» раньше были в районе пятисот рублей, то теперь он мог заманить его и более ощутимой суммой. Встреча была назначена за мостом, на «чужой» территории. Фокин увидел машину «Барчука» издали и осмотрелся по сторонам. В принципе, был уже вечер, и навряд ли кто мог пасти эту встречу, но он все-таки выждал минут десять, после чего впрыгнул в старенькую восьмерку «Барчука». Поздоровавшись за руку, Фокин начал прямо в лоб.

– А ну-ка, дружище, просвети меня поподробнее об эшелоне.

– Да меня братки с «Опеки» сами на вокзал подбросить попросили. Везли с собой папуху документов – еще в машине смотрели, о ценах говорили. Как мне показалось, что-то из техники толкнуть собирались. На вокзале, на запасные пути через охрану с командиром части прошли. По составу часа полтора ползали. Потом я их обратно в офис увез. Конкретно, я ничего не слышал. Между собой они терли о том, где покупателей искать.

– Вот, милый мой, ты и найдешь им покупателей.

Фокин достал стодолларовую купюру и передал ее «Барчуку». Тот явно такой щедрости не ожидал и открыл рот – это задаток – продолжал напирать Фокин, воспользовавшись его изумлением – Если все нормально срастется, получишь еще пять таких бумажек, но я должен знать все, что они там задумали, кому и когда будут технику сбавлять. С твоими связями это тебе под силу, но учти, начнешь мимо меня что-нибудь проворачивать, не получишь ни копейки, а я по возможности упрячу тебя.

– Это что, МВД у нас так разбогатело?

– Ты лишних вопросов не задавай, а работай, как следует, тут дело серьезное. Просто так такие деньги не платятся, понял? Тут ФСБ в курсе и курирует это дело, а они по мешку картошки не работают, но и спрос у них другой.

Утку про ФСБ Фокин запустил не случайно, а с целью дисциплинировать «Барчука», а то он мог часть информации слить, а основную часть использовать на свой карман. – Я тебя твоих «наварных» не лишаю, но ты уж сильно со своими гонорарами не груби – главное сделку повернуть и быть в курсе каждого колеса, понял?

– Да чего уж понятнее, только уж меня не подставляй, а то отморозки опекунские меня на ножи поставят.

– Слушай, у меня, таких как ты три десятка, ты хоть одного знаешь? Да и тебя я всегда шикарно выводил, так что в долгий ящик это дело не откладывай и занимайся поактивнее. Если что конкретное будет, звони мне на мобилу.

– Понял, начальник, есть у меня пара человек, что техникой интересовались – попробую им «впарить».

– Ну, давай, давай, отработывай денежку. Фокин видел, что гонорар «Барчука» заинтересовал сильно, а за 500 баксов он готов землю рыть, кроме того, на этой сделке он и сам наварится.

Домой Фокин пришел уже поздно. Поставив свою старую копейку в гараж и спрятав там 4000 баксов, он поспешил домой. На улице и в подъезде было совсем темно. Подъезд освещался одной лампочкой на третьем этаже, а Фокин жил на втором. У своей двери он увидел знакомую фигуру. У входа в квартиру его ждал Леха Чикин, который не скрывал своей радости. Чувствовалось, что ждал он его часов с пяти, а времени было уже десять. На лестничной площадке стоял устойчивый запах перегара и годами нестиранной одежды.

– Привет, Сань, выручи – весь день ничего не жрал.

– Зато пил.

– Я только похмелился.

Отношение Фокина к Чикину было двойственным. С одной стороны, он помнил их школьную дружбу, был он свидетелем на Лехиной свадьбе. После развода Чикин стал спиваться, впоследствии, лишился квартиры – отдал жене с сыном, а сам начал жить у своих корешей, а в настоящее время их осталось немного. Фокин иногда из жалости подбрасывал ему денег, пытался склонить его к негласной работе, и Чикин соглашался, но возможностей у Фокина для этого не было. С криминалом он никогда не связывался, и путной информации принести он просто не мог. Иногда его систематика обращений к нему Фокина раздражала, но сегодня он провел день не зря, и настроение у него было хорошее. Сунув руку в карман, он нащупал доллары и отодвинул их в сторону. Достав пятьдесят рублей, он вручил их Чикину.

– Спасибо, Иваныч.

– Ты давай не лопай, что будет интересного, зайдешь. Последняя фраза была дежурной, и направлена она была на то, чтобы не унизить Чикина. Он теперь придет и сообщит, что-нибудь ерундовое, например, что кто-то из его друзей-алкашей что-нибудь утащил из дома и пропил. Фокину придется дать ему еще рублей десять и сделать вид, что это ему очень важно.

Дома Лена не спала, лишних вопросов не задавала, смотрела лежа на диване телевизор.

– Покормишь? – учтиво и заискивающе спросил Фокин. Лена нехотя встала, накинула халат и вышла на кухню. В процессе разогревания пищи кухня наполнялась аппетитными запахами. Подойдя к жене сзади, Фокин нежно обнял ее и, видя ее молчаливое неудовольствие его поздним приходом, шепнул на ухо: – Давай завтра мягкую мебель купим, а то нам диван наш для продолжения рода совсем не годится – с этими словами он достал четыреста баксов и прошуршал ими над тем же ухом, в которое говорил реабилитирующую фразу.

– Ты что, взятку взял?

– Да нет, просто уделил время одному богатому человеку, помог немного, вот, он меня и отблагодарил.

– Ой, посадят тебя – с улыбкой и явным изменением настроения прошебетала Лена. Деньги тут же переместились в старую шкатулку. Учитывая хорошее настроение Фокина и Ленкину радость от грез осуществления давней мечты, ночь для обоих прошла просто замечательно. После данных процедур началось обсуждение будущей покупки, за которым и настиг Фокина сон.

День обещал быть трудным и напряженным. Необходимо было поднять все имеющиеся учеты на «Опеку», войсковую часть и командира, кроме того, необходимо было поторопить «Барчука». До закрытия магазинов нужно было организовать покупку и доставку мебели. По телефону он договорился встретиться с женой у мебельного магазина с утра, чтобы выбрать, вернее, согласиться с тем, что выберет Лена. После этого ему нужно было обменять доллары и, сделать вид перед женой, что организует доставку и погрузку силами своих знакомых, нанять студентов по объявлению. В самый разгар Ленкиных поисков нужного кресла среди целого ряда на мобильник позвонил «Барчук» и потребовал незамедлительно встречи. Встреча была назначена в обеденное время в старом парке. Когда жена определилась с выбором, Фокин отвез ее домой, затем вернулся в магазин и, щедро расплатившись, попросил организовать погрузку и доставку. Не имея он в кармане шальных, не заработанных денег, он никогда бы не расстался с уплаченной им суммой.

На встречу с «Барчуком» Фокин едва успел, позабыв осмотреться, он подъехал к его машине и жестом пригласил того к себе. Видок у «Барчука» был неважный, видимо, ночь была бурной, но лицо светилось, да и по голосу по телефону Фокин ждал, что можно будет чем-то поживиться.

– Ну, давай, рассказывай, что там у тебя?

– Слушай, Иванович, там серьезная тема наворачивается. Я к «Опеке» подъехал, так они за меня прямо вцепились. Там нехилые бабки крутятся будут. В общем, командир части новые «Уралы» и тягачи хочет по дешевке толкнуть, только сначала он их спишет, документы состряпает, и пол-эшелона двинет.

– А как он их списывать собирается?

– А у него в части до хрена уже списанной техники, так он номера списанных машин проведет по новым, а те, старые машины, как стояли, так и стоять будут. Правда, он осторожничает, дело имеет только с Хариковым.

– Это-то и опасно, ты давай сильно не интересуйся, говори только о возможных покупателях, свой процент не забывай. Ухо держи остро. О технологии списывания не спрашивай, пусть он тебя сам убеждает, что все будет чисто. Лишних вопросов не задавай, а то он мужик ушлый, на твоих лишних вопросах тебя в момент расколет.

– Чай уж не дурак, понял.

– Ну, занимайся, если что, звони.

С этими словами Фокин расстался еще с сотней долларов. По выражению лица «Барчука» было видно, что он и следующую ночь спать не будет. Когда с двух сторон на него могут посыпаться деньги, он готов не только не спать, но и не есть и не пить.

Обеденное время заканчивалось, и Фокину пришлось перекусить беляшами с кофе в забегаловке. Он, конечно, рисковал своим желудком, но ситуация требовала таких жертв. Подъезжая к отделу под звуки, издаваемые своим желудком, Фокин вновь увидел знакомый «Лексус». Это было совсем некстати – работать на два фронта ему совсем не хотелось, но денежки было необходимо отрабатывать. С такими мыслями, выйдя из машины, он направился к Марии. По пути он сменил недовольную мину и изобразил полное участие. Мария сидела за рулем и вздрогнула, когда Фокин открыл правую дверцу и плюхнулся в кресло. Так как долго заниматься поисками Васьки Морина ему было некогда, он решил обрадовать Марию и заодно дать разгон себе, что бы в ближайшее время с этим закончить.

– Здравствуйте, Мария Сергеевна, кажется, лед тронулся, и наша проблема в скорости разрешится.

– Вы что, его нашли? – позабыв поздороваться, обрадованным голосом спросила она.

– Ну, об этом говорить рано, но, судя по всему, в ближайшее время мы найдем Вашу потерю. – Фокин пытался придумать на ходу, как ему подвести к разрешению проблемы столичную дамочку, одновременно изображая большое количество проведенной розыскной работы и полное участие к посетительнице. Кроме того, Фокин думал, какую выгоду для работы он может извлечь от выдачи Ваське его воздыхательнице. Уголовным делом тут, конечно, не пахло, но посадить на крючок Ваську совсем не мешало. Кто его знает, может он и владеет какой информацией. Как они с Марией разойдутся при встрече, Фокина интересовало мало, но когда он Ваське расскажет о его поисках, тот явно запросит помощи, и будет умолять его о том, чтобы он не рассказывал о его жизненных принципах и образе жизни. – Искомый Вами субъект почти на сто процентов в настоящее время находится в городе. Я постараюсь устроить Вам встречу, но, может быть, мне сначала выяснить, что у него за проблемы? Кстати, не беспокойтесь – он жив и здоров. Через пару дней мы с вами встретимся, и я вам о нем расскажу. В настоящее время я озадачил своих людей сбором информации о нем, но, сами понимаете, это требует времени, в связи с нашей конспирацией. Но то, что Ваша встреча в ближайшее время обязательно состоится, это я Вам гарантирую.

– Ой, огромное Вам спасибо. Если вам необходимы еще средства, то вы не стесняйтесь. – С этими словами она полезла в сумочку.

– Нет, нет, что вы? Того, что вы дали, вполне достаточно, даже лишку. – Фокин сам удивился своим словам – видимо сильно вжился в роль Робин Гуда и заигрался. Как он отказался от еще более халявных денег, он сам не понимал, но в душе был горд собой и окончательно

утвердился в том, что остатки совести у него еще сохранились. – Ну, извините, нужно и делами заниматься, а то, сами понимаете, меня по головке не погладят, узнав, чем я занимаюсь – при этом он многозначительно ткнул указательным пальцем в потолок салона «Лексуса».

Расстались они взаимно довольными, Фокин пообещал позвонить, когда узнает что-то конкретное, хотя, что он должен будет сказать, в уме его еще не созрело, но, как говорится, утро вечера мудренее, на досуге к нему должна была прийти гениальная мысль по этому поводу. Загружаться этим вопросом он не стал и вновь вернулся мыслями к канители, закрученной «Опекой» и командиром части.

С утра он уже дал запрос в аналитический отдел на фигурантов «Опеки» и командира части, там уже, наверное, все было подготовлено, благо с девчонками из аналитики у него отношения были хорошие. Но сейчас кроме старух, секретаря там никого не было. Чтобы сэкономить время, Фокин подошел в паспортно-визовую службу попить чайку. Купленная по дороге коробка дорогих конфет и торт, предназначавшийся в отдел анализа пошли на стол девчонкам паспортного, тем более Фокину самому не терпелось выпить чашечку чая и дослать кусочек торта к закрутившему в желудке съеденному беляшу. В ходе чаепития Фокин не упустил возможности рассказать пару дежурных анекдотов. Удивительно, но он, благодаря своему какому-то дару, умел нравиться людям, казаться удивительно простым и открытым, хотя это был просто опыт работы с людьми. Фокин умело чувствовал, что хотят видеть в нем люди, хитро это изображал и преподносил. Раньше это требовало от него какого-то внутреннего напряжения, но со временем это выработалось в привычку, и теперь он входил в контакт налегке и всегда удачно. Ему все всегда были рады, благо язык у Фокина был подвешен неплохо, отсутствием чувства юмора не страдал. Во время непринужденной беседы он в очередной раз заметил, как беззаботно девчонки паспортного относятся к документам – на столах лежали незаполненные формуляры, недопечатанные паспорта и прочие документы, некоторые, причем, с грифом «Секретно». А щелтушки бегали по своим женским делам, суетились с чайниками и посудой, оставляя кабинеты с настезь открытыми дверями. Во время этой суеты Фокин оставался один и, между прочим, успел ознакомиться с секретной телетайпограммой, лежавшей на одном из столов. Ничего интересного он для себя из нее не почерпнул – она регламентировала усиление внимания и контроля выдачи паспортов лицам кавказской национальности, в связи с возможными терактами. Никаких замечаний по поводу отношения к документам Фокин никогда не делал, – зачем было быть занудой, у паспортной службы были свои начальники, от которых девчонкам и без него доставалось. Главное он видел, к чему может привести такое отношение, и делал выводы для себя. Себе он подобного не позволял, умел скрывать во время дружеских посиделок то, что знать никто не должен. В своем коллективе это знали и раньше пытались что-нибудь у Фокина выведать, но после нескольких неудач от этих попыток отказались. Но, впрочем, Фокин пользовался этим в том случае, когда ему нужно было слить «дезу» нужному человеку. Во время распития бутылочки с этим человеком, он изображал из себя сильно запяневшего и намерено, с трудом выговаривая слова, под большим секретом, с условием неразглашения, выдавал то, что должно было распространиться и дойти до нужного адресата.

А тем временем за стенкой уже послышались звуки оживления, и Фокин побежал в ближайший магазин за сладостями, которые прохотали в паспортном. Купив тот же набор, он проскочил в аналитический и схема повторилась. Результатом стали уже подготовленные документы по его утреннему запросу. Запрос его был неофициальным. Чтобы его получить как это требовалось, нужно было завести дело оперативного учета, а на это ушло бы у него день или два, затем утвердить его у руководства, выстояв за одной закорючкой несколько часов, да и писаниной ему заниматься вовсе не хотелось.

Изучение полученных материалов заняло у Фокина два часа. Того, что он ждал, он не увидел, но, как говорится, на безрыбье и рак рыба. По крайней мере, он выписал для себя

имеющийся у фигурантов автотранспорт. Странно, но при той огромной проведенной работе с «Опекой», информация была достаточно скудной – так несколько контактов, но и их Фокин для себя отметил. Отсутствие информации в отношении руководства части Фокина не удивило, все-таки у них была своя прокуратура и занималась войсковыми подразделениями ФСБ и контрразведка. У Фокина, конечно, были контакты и с теми, и с другими, но парни там сидели непростые, похожие на Фокина, своей информацией делились неохотно. У них были свои разработки, и соседям из смежных контор они не доверяли, кроме того, и сам уголовный розыск периодически, попадал к ним в разработки, и отношения у них к Фокину были как у Фокина к «Опеке».

Итак, было необходимо обдумать план действий, но с мыслей сбивала Мария Сергеевна. Сосредоточиться мешали думы о том, как обставить ее встречу с Васькой Мориним. Фокин решил форсировать события и встретиться с Васькой, а после разговора с ним принять решение по этому вопросу, ведь от настроения Васьки зависит и следующие принятое им решение.

Отыскать Ваську было нетрудно. Проехав вечером пару ресторанчиков, Фокин нашел Ваську в бильярдной. В бильярд Морин не играл, но его корешки это дело любили, Васька их раззадоривал играть на интерес, преспокойно попивая пиво, кадрил девчонок, а в изрядном подпитии не упускал возможности набить кому-нибудь морду. Так как было еще не поздно, Васька сидел за стойкой бара, пил пиво и ждал кого-нибудь из своих знакомых посетителей.

– Привет отдыхающим! – поприветствовал Фокин улыбающегося Ваську. Тот сначала насторожился, но после того, как Фокин заказал чашку кофе с коньяком, расслабился.

– Привет органам, гляжу тоже не на работе?

– Ну, милый мой, мы всегда на работе.

– А как же коньячок, если на работе?

– Не пьянки ради, расширения сосудов для. С вами все нервы истреплешь, не даете жить спокойно ни людям, ни нам.

– Э, нет, мы люди спокойные, никого не обижаем, – Васька заказал себе очередной бокал пива.

– Фокин обратил внимание, что Морин расплатился тысячной купюрой. Во время отсчета сдачи барменшей, Фокин как бы невзначай спросил:

– Да Вы, батенька, разбогатели, нигде не работаешь, а вон какими деньгами швыряешься, наверное, грабанул кого?

– Что Вы, Александр Иванович, я такими делами не занимаюсь, я в Москву работать езжу, что я с зарплаты и отдохнуть не могу?

– И где же ты работаешь?

– Да одному барыге дачу строим.

– Ну что ж строительство дело хорошее, но тяжелое, устаешь, наверное, за вахту?

– Конечно. Ты потаскай кирпичи да бревна.

По всему было видно, что Васька подхватил подкинутую Фокиным тему для разговора. Ему было на руку, что Фокин уверится в нем, как в честном работяге, зарабатывающем свою копеечку честным, непосильным трудом и перестанет копать под него что-либо.

– А я думал, ты менеджером трудишься, стройматериалы поставляешь, да слухи ходят, что кидают тебя, вот последний раз аж на пять штук баксов кинули, но люди добрые тебе помогли.

Звон разбившегося бокала и шипение разлитого на кафельном полу свежего пива не произвели на Ваську никакого впечатления, но испуганный взгляд был направлен в глаза Фокину. Рука оставалась в том же положении, когда держала стакан с пивом. Цвет лица Морина прошел весь спектр цветов радуги. Фокин смотрел ему прямо в глаза и следил за медленным движением нижней челюсти вниз. Его фраза была для Васьки как удар молота. Молчаливая пауза

затягивалась, нужно было быстро его добивать, пока он тепленький. Требуемого результата Фокин добился и, главное, нужно было его развивать.

– Я ведь по твою душу приехал, давай-ка, барин, собирайся, да поехали ко мне в кабинет. Разговор у нас с тобой серьезный будет.

Трясущимися руками Васька расплатился за разбитый бокал и побрел на выход.

– Кстати, у тебя паспорт с собой?

– Ага.

– Тут Фокин уже еле сдерживал себя от смеха, вопрос относительно паспорта окончательно добил Морина. Он понимал, что уголовный розыск просто так про паспорт не спрашивает. По внешнему его виду было заметно, что в душе он уже засушил сухари. Для Фокина сейчас было главное по пути в отделение не выпускать Ваську из его состояния, не дать подуматься, а забить его мыли разговорами. По пути к своей машине Фокин продолжал:

– Ну, как понимаешь, в дело серьезное ты вляпался. Об обстоятельствах, как ты понимаешь, я все знаю, тут мошенничеством в особо крупных попойкает. Кстати, ребята из Москвы приедут, я тебе не завидую, у них разговор короткий. Это мы тут с вами нянчимся, да все навстречу вам идем, у них такой заинтересованности нет, как клопа тебя раздавят, и лет на восемь нас с тобой разлучат.

Бедный Васька продолжал, как хамелеон менять цвет лица. Периодически он пытался что-то ответить Фокину, но тот его гасил очередной фразой, произнесенной спокойно и в самую точку, и все заканчивалось открыванием рта и сухим сглатыванием, не смотря на выпитое пиво.

Разговор в кабинете складывался еще более уверенно для Фокина и, соответственно, более обреченно для Васьки. С деловым, повседневным видом Фокин доставал из сейфа бланки и старые дела, периодически бросал взгляды на Ваську. По внешнему виду опера было видно, что он изучает материалы порученного ему дела в отношении Морина. Внешне, углубляясь в дела, не имеющие к этому абсолютно никакого, он периодически задавал Ваське вопросы общего характера, переписал данные паспорта, снял копию с паспорта и вложил в увесистое дело, естественно не показывая надписей на титуле. Мандраж в руках Васька скрывать уже не мог. Если раньше его вызывали по мелким дракам, и в отношении его велась больше воспитательная работа с упреками и криками, то сегодня был спокойный, вежливый разговор, и это все более укрепляло в нем веру в то, что это уже не шутки, и штрафом ему не отделаться. Удивительно правильное поведение Фокина превращало Морина в кусок пластилина, из которого в данный момент можно было вылепить все, что угодно.

– Итак, дружище, ты обманым путем вошел в доверие к гражданке Рысиной Марии Сергеевне и также обманым путем неправомерно завладел ее деньгами в сумме пять тысяч долларов США и с указанной суммой скрылся. Как я понимаю, деньги эти ты уже прокутил в кабаках, то есть, юридическим языком, распорядился ими по своему усмотрению в личных целях. Так что на данный момент мы имеем ярко выраженное мошенничество, с причинением значительного ущерба потерпевшей.

– Да у нее этих денег, как у дурака махорки, она и не заметила, наверное – начал было возмущаться Васька – она такие бабки в день имеет. Вы бы ее видели, ее хату, дачу.

– Ну, хаты, дачи ее я не видел, а разговор с ней имел.

– Где?

– Да вот за этим же столом.

– Она что, сюда приехала?

– Да, и скажи спасибо, что пока без московских оперов или бандитов – они бы быстро из тебя денежки вытрясли. И ей бы твой долг вернули, и свои командировочные расходы оправдали, за твой счет, конечно. А у тебя денежки, конечно, уже «тю-тю»?

– Я за две с половиной шестерку взял.

– Ну, слава Богу, что половину на дело потратил, а остальные?

– Да, так...

– Налички много осталось?

– Триста баксов.

– Да, неплохо ты погулял на халяву.

– Она что, заявку написала?

– Вот завтра насчет заявки с ней и встречаемся.

– Александр Иванович, а может как-нибудь это дело замять без заявки можно? Шестерку я продам, считай, половину верну, а остальные постепенно выплачивать буду, в Москву на стройку поеду. Я могу расписку написать.

– Ну, на работу ты может, не в Москву поедешь, а на Колыму, лес валить будешь, а денежки у тебя из твоего тюремного заработка по иску вычитать будут.

– А че так сразу на Колыму-то?

– А то, что преступление уже окончено. Дурак ты, Васька, и поступил непорядочно. Ты думаешь, она сюда в Тмутаракань приехала тебя в тюрьму сажать? Она, кстати, дура, тоже думает, что тебя по твоим мнимым делам грохнули, беспокоится. А вот узнает, что твои проблемы из пальца высосаны и тут чистое кидалово, то, наверняка, заявление завтра и родится.

– А Вы ей что про меня рассказали?

– Да я ничего не рассказывал и с тобой сначала поговорить хотел.

– Александр Иванович, что делать – то? Не сдавай меня ей, пожалуйста, я в долгу не останусь, я все деньги верну.

– Да какая мне от тебя польза?

– Чего скажешь, все сделаю, только помоги.

– А ты с «Опекой» пересекался?

– Да, подходил ко мне Жека Лимон, просил покупателя найти на тягач. Я как раз машину брал. Он мне по дешевке предлагал, говорил навариться можно, а если получится, то еще подгонит, но я отказался, сказал, что я все бабки в шестерку вложил.

– Ну вот тебе лист бумаги, пиши соглашение о негласном сотрудничестве и неразглашении сведений.

– Это типа мне стукачом быть?

– Им самым, дорогой мой.

– А с бабками московскими что?

– А это мы посмотрим, как ты работать будешь.

– Да меня ведь на ножи поставят.

– Слушай, Вася, у меня, таких как ты, с сотню будет. Ты хоть одного знаешь? Или на ножи кого поставили? Если мне человек нужен, я такую карусель закручу, что на кого угодно думать будут, что кто угодно стукач, только не мой человек. Я, милый мой, в розыске второй десяток и проколов не было. Сам понимаешь, что дело серьезное, и если я тебя раскрою, мне самому тюрьма корячиться будет. У нас с этим строго.

Пока Васька выводил трясущимися руками ничего не значащее «обязательство», Фокин обдумывал правильность своих действий, и как ему было можно угодить Марии Сергеевне и одновременно задействовать Морина с «Опекой». Конечно, возможности у Морина были невелики, но необходимо было обыграть все так, чтобы он плясал под его дудку со строгим соблюдением всех нот и готов был пойти на любую операцию. Чтобы Васька вообще никуда не дернулся, он собственноручно написал показания по московскому делу со всеми подробностями. Фокин пообещал не давать им хода до того, пока он будет неукоснительно выполнять его указания. Морин послушно кивал, и все время переводил разговор на Марию Сергеевну, все-таки изначальное нагнетание всей серьезности дела играло свою роль, и Фокин, заверяя Ваську все решить, обдумывал выход. Перед тем, как отпустить его, он подсунул бланк

подписки о невъезде, который Васька трепеща подмахнул, в своем подавленном состоянии не сопоставив того, что с ним не беседовал следователь, что его никто не допрашивал, ни с чем не знакомили, но Фокин сделал все, для того, чтобы Васька и задуматься спокойно ни о чем не мог, и только смотрел ему в рот, боялся и слушал только его.

– Сейчас машину свою продавай, по городу не шляйся, жди моего звонка, без меня ничего не предпринимай, все понял?

– Понял. А точно мне с Марией ничего не будет?

– Я ж тебе уже говорил – будешь делать, как я скажу, вопрос решится нормально, будешь самодеятельностью заниматься – сядешь. Понял?

– Ладно, только, Александр Иванович, давайте без кидалова.

– Ты меня с собой не равняй, дружок – строгим тоном осадил Фокин Морина – у меня работа, а не твои косорезы, я делом занимаюсь. Я тебе помогу, сам понимаешь, не без пользы для дела. Видишь, и от тебя, дурака, польза для государства будет. Все, проваливай, завтра скинешь машину и сиди как мышь.

В этот же вечер Фокин назначил на следующий день встречу с Марией. На ее многочисленные вопросы он отвечать не стал и пообещал сообщить все подробности при встрече. Ему нужно было самому еще все придумывать, и на ее вопросы он пока сам не знал ответов.

То, что Фокин приходил с работы в 19 часов, было редкостью. Лена засветилась радостью и удивлением, увидев мужа в прихожей, выйдя на звук отпирающейся двери. Танюшка, чуть не сбив мать с ног, бросилась отцу на шею, не оставив ей места для объятий. Она пошла разогревать ужин, и отец с дочкой уже ворковали в комнате. Таня продолжала висеть на шее у отца. Тот слушал бесконечное ее щебетание о своих проблемах в детском саду, отношениях с матерью, тут же рассказала, как ей необходимы косметика, новая кепка и мяч. Фокин послушно ей поддакивал и обнадеживал, объясняя задержку с покупками этих вещей тем, что ему необходимо заработать денежки. Подсчет двух недель до зарплаты занял у них минут двадцать, что послужило лишним упражнением в счете. Краем уха Лена слушала их диалог. Одновременно радовалась и удивлялась тому, как мужу удастся решать детские, одновременно наивные, но для дочери, в ее возрасте, глобальные, проблемы. Сама бы она давно перешла на крик, и разговор закончился бы плачем дочери. Наверное, именно за это она и любила мужа.

Сегодня для нее был неплохой день. Ранний, точнее вовремя, приход мужа с работы, и приобретенная мягкая мебель сделали свое дело. Она спокойно посмотрела сериал, во время которого Фокин уделял внимание дочери, и не давал ей отвлекать мать, благо его самого сюжет не интересовал абсолютно. Уложив дочь, они ушли на кухню пить вечерний чай, что доставляло Лене немало удовольствия. Без чая она вообще жить не могла. А на пару с Фокиным попить чаю ей удавалось достаточно редко. Разговор о свойствах и вкусах чая вызывал у них массу незлых дискуссий. Фокин был к чаю равнодушен, и ему, видимо, по привычке было достаточно изменения цвета и плавления нескольких чайнок в бокале. Он утверждал, что свежесваренный чай горький, клал всегда много сахара в таковой чай, а Лена утверждала, что чай и сахар две хорошие вещи и незачем их портить друг другом. Данные беседы сопровождались взаимными остротами относительно вкусов друг друга и отношением друг друга к аристократии. Все это было весело, и они впоследствии заснули, обнявшись на новом диване.

Проснулся Фокин рано. Мысли его были о предстоящей встрече с Марией. Встречались они возле отделения с утра, так как у Фокина уже были намечены мероприятия по «Опеке». До прихода на работу ему нужно было выработать линию поведения, тактику и стратегию. Мысленно он вновь возвращался к ранее состоявшимся разговорам с Рысиной и пытался понять ее намерения. С ее слов, она беспокоилась о том, решил ли ее бывший любовник свои мнимые проблемы, и не пострадал ли он. Фокин был уверен, что привлечь его, узнав истину, Мария не будет. Она показалась ему внутренне порядочной, кроме того, она явно не хотела огласки. Все-таки, будучи женщиной неглупой, она не могла не догадываться, либо предпола-

гать истинного поворота дел, но видимо, ослепленность любовью не пускала в ее голову подобные мысли.

Мысль о том, чтобы рассказать ей всю правду, Фокин не допускал. Он не хотел представить ей Ваську, как профессионального мошенника, потому что женская душа это потемки, и в состоянии душевного потрясения, от нее можно было ждать всего, что угодно, а это бы помешало Фокину вести свою игру. Мало ли какие требования она могла выдвинуть, и тот, будучи и так до смерти им напуганный, мог пойти на многое, пообещай она ему не привлекать его к ответственности. На этот случай, конечно, у Фокина был небольшой козырь в виде написанных Мориным бумаг, которые он, кстати, уничтожил сразу после его ухода из кабинета. Можно было припугнуть оглаской его желания на негласное сотрудничество, но работающий на два фронта агент был уже ненадежным, и в некоторой части непредсказуем, а это никак не входило в планы Фокина. Дело предстояло серьезное и он должен быть в Ваське уверенным. Эта уверенность должна была определить в ходе разговора с Марией и дальнейшими с ней действиями. Фокин решил выбрать промежуточный вариант, чтобы сильно не расстраивать Марию Сергеевну, но и не давать ей повода продолжать отношения с Васькой. Его надо было представить негодяем, чтобы она в нем полностью разочаровалась, но, с другой стороны негодяем не злым, а попавшим в стечение обстоятельств, чтобы Мария не предприняла попыток мести, могущих отвлечь Морина и, естественно, помешать Фокину. Выгоняя из гаража машину, Фокин рожал в муках обстоятельства, которые могли толкнуть Ваську на столь нечистоплотный поступок. На подъезде к работе кажется, ему пришла в голову одна идея. Деталей он продумать не успел и решил сочинять экспромтом.

– Утро доброе, Мария Сергеевна – усаживаясь в удобное кресло «Лексуса», поздоровался Фокин.

– Здравствуйте. Я очень надеюсь, что оно действительно доброе.

– С одной стороны я Вас обрадую, в принципе, все точки над «и» расставлены. Личность Вашей потери установлена, жив он и здоров, проживает в нашем городе, но есть одно «но». Дело в том, что Морин Василий Александрович действительно попал в не очень приятную ситуацию. Я не знаю, как Вы на это отреагируете, но думаю, что Вам будет кое-что интересно. Дело в том, что четыре года назад у него родился сын. В браке он не состоял, с матерью своего ребенка он расстался и, в принципе, отношений ни с ней, ни с ребенком не поддерживал, но недавно сын его заболел, и потребовалась срочная операция в Питере. Вот, видимо, с ним по этому поводу и связывались, когда он с Вами был.

– Дурак. Что бы я уж не поняла?

– Поймите, Мария Сергеевна, психология мужчины и женщины существенно отличаются друг от друга. Насколько я понимаю, ему не доставляло большого удовольствия представиться простым серым человечком, более респектабельно было быть менеджером.

– Идиоты вы все мужики со своей психологией. Это мы, женщины, все понять можем, если только правду слышать, а не какие-нибудь фантазии. Ну да ладно, значит так.

Настроение Марии заметно улучшилось. Этого не заметить Фокин не мог. По внешнему виду Рысиной, она ждала худшего и явно намеревалась прихватить Ваську назад, что абсолютно не входило в планы Фокина. Он понял, что избрал чуть неверную тактику разговора. Он представил Морина чуть ли не с крылышками и нимбом, эдаким джентльменом. В этом случае Рысина заманит Ваську к себе, будучи уверенной в том, что в душе тот очень порядочный и будет с него пылинки сдувать больше, чем раньше, ну а Васька, по молодости своей долго с ней не протянет и через пару месяцев вновь ее разведет. Следующего визита Рысиной Фокин не переживет. Ему было необходимо слить Марии про Морина что-то негативное, чтобы связь их прекратилась. Придумывать нужно было быстро, и в этот раз необходимо было попасть прямо в точку. Вопрос был в том, где эта точка находилась в Рысиной.

– Вы не спешите что-либо предпринимать, Мария Сергеевна, я Вам еще не все рассказал. Как, все-таки, жизнь наша удивительна. Вот, казалось, такого бесшабашного Василия Морина и того несчастье дисциплинировало. Хочу Вам сказать, что расстался он со своей любимой из-за того, что наркотой баловался. Она его видеть не хотела, отцом ребенка считать не хотела, а вот видите, как все изменилось. Я поднял на него все учетные данные. В настоящее время небо и земля. Судя по его послужному списку, ни одна разборка без его участия не обходилась, а после вышеуказанных событий как подменили его. Кстати, живут вместе, операция прошла успешно. Я думаю, Вам интересно узнать про него будет, поэтому собрал на него информацию, неофициально встретился с ним, поговорили.

– А мне с ним встречу устроите? – уже с меньшим восторгом спрашивала Мария. Судя по ее тону, Фокин попал близко к цели. Он выбрал ее порядочность. Говорить о том, что Васька в случае встречи вновь ее кинет, было опасно потому, что он не мог знать, что предпримет Рысина, а Фокин привык чувствовать себя удобно, видя на шаг вперед.

– Отчего ж нет, но я надеюсь, что криминальных разборок между вами не будет.

– Вы меня не за того человека принимаете, Александр Иванович, не надейтесь, что при встрече я заброшу его в багажник и увезу. Мне просто поговорить с ним нужно.

Ну что ж, я встречаюсь с ним, а затем и Вам его предоставлю – Видя вопросительный взгляд Рысиной, тут же добавил – независимо от его желания. Что скрывать, парень он ветреный и шустрый, не убежал бы от Вас, все-таки ведь обманул, пусть с благородной целью, но обманул, так что не беспокойтесь, сегодня я Вам позвоню и привезу его Вам на блюдечке с голубой каемочкой.

Фокин ждал, как закончит разговор Мария, но пока в ответ было молчание. Видимо она заглядывала в прошлое и анализировала настоящее.

– Надеюсь, я выполнил Ваше поручение, Мария Сергеевна? Может еще, чем помочь?

Рысина как проснулась от его слов.

– Нет, нет, что Вы. Вы и так мне очень помогли, извините меня, что отвлекла Вас от дел Ваших, в конце концов, с Вами приятно было поговорить. Если я Вам еще должна, то не стесняйтесь.

– Да что Вы, мой незаконный гонорар итак достаточно велик.

– Ну почему же незаконный? Простая помощь с Вашей стороны, маленькая благодарность с моей, так что все нормально. Ну, буду ждать звонка, до свидания.

Выходя из машины, Фокин думал о том, что он что-то недосказал. В принципе, линия разговора была выверена нормально, но полной уверенности в дальнейшем поведении Морина и Рысиной у Фокина не было. Сейчас нужно было подготовить Ваську к этому разговору и предостеречь его от непродуманных проступков. Встречу нужно было готовить немедленно, и побыстрее ее назначить. Фокин позвонил Рябцеву и сказал, что займется прошлой кражей, а сам уехал к Морину, по дороге позвонив ему на мобильник. Естественно, никаких детей у Морина не было, естественно, никакой операции никакому ребенку не требовалось. Васька жил один и ни с кем сходить в ближайшее время не собирался. Правильно ли Фокин поступил, вводя в заблуждение Рысину. Эти вопросы отвлекали Фокина от дороги по пути на встречу с Мориним. С оперативной точки зрения все было сделано правильно, но с другой стороны, он думал о Марии Сергеевне. Ее было жалко, но, в то же время, неизвестно, как бы развивались события, если бы Фокин выдал ей всю правду-матку, поняв сущность Васьки, – думал Фокин, Рысина, с ее деньгами и связями могла обратиться к криминальным структурам. Вряд ли бы она обратилась с заявлением о мошенничестве в милицию. Это, во-первых, вызвало бы огласку, во-вторых, наверняка, она была в него влюблена и навряд ли желала того, чтобы он оказался за решеткой. Наезд криминала привел бы к унижению Васьки, возможно требованием от него денег, и этим бы она воспользовалась, в частности, его материальной зависимостью, и на этом поводке она держала бы его возле себя, но к чему бы привела их дальнейшая

связь? Морин молодой, энергичный, ей почти пятьдесят и Васька, наверняка бы, не упустил возможности поживиться ее деньгами, не исключена возможность, что он мог на ней жениться и грохнуть, или заказать, а потом разделить ее наследство с ее сыном. Чувствуется, половины денег и бизнеса Рысиной Ваське бы вполне хватило. Так что позиция правильности решения по всем оценкам Фокина преобладала.

Разговор с Мориным был не коротким. Фокин тщательно разжевывал ему все то, что он должен был говорить Рысиной при встрече, на основе, конечно, результатов разговора его с ней. Фокин внашл Ваське необходимые слова, вплоть до того, что заставлял заучивать ключевые фразы. Основным козырем его было то, что в случае схода Морина с проложенных Фокиным рельсов, ему грозит тюрьма. Когда Фокину показалось, что до Васьки дошло все, что хотелось, он отзвонился Рысиной и назначил встречу у гостиницы. Все-таки, какая-то тревога за предстоящий разговор у него была, и он решил быть в это время недалеко. Встреча была назначена у гостиницы не случайно, тем более, что они к ней уже подъезжали. После их разговора он тут же должен был узнать о его сути от Васьки и, если будет необходимость, предпринять какие-то действия сразу. Если бы встреча была назначена позднее и в другом месте, то Рысина могла сдать номер гостиницы, собрать вещи и сразу после разговора рвануть в Москву. В этом случае Фокин уже бы ничего не мог сделать. Кроме того, она могла захватить Ваську и увезти с собой. Этого Фокину очень не хотелось, он совсем не хотел, чтобы всплыла полная истина. Он бы с удовольствием послушал их разговор и вначале хотел дать Ваське диктофон, но впоследствии от этой идеи отказался и посчитал, что будет довольствоваться рассказом Морина.

Разговор происходил на глазах у Фокина. Он наблюдал за собеседниками из окна своей копейки. Главное тут было не допустить конфронтации и в нужный момент вмешаться. Внешне все казалось спокойным. Не было ни сцен, ни криков, ни взаимных объятий. Спокойствие разговора, наверное, обуславливалось умом и рассудительностью Рысиной, а также соблюдением его инструкций Мориним. Они проговорили стоя друг против друга около десяти минут, причем, в основном, был монолог Марии. Васька отвечал, похоже, только междометиями. Это было хорошо, так, как если бы он заговорил, то мог бы сболтнуть что-нибудь лишнее, что могло бы их разоблачить. С умом Рысиной и недалекостью Васьки это было бы несложно. Тем не менее, их беседа закончилась, расстались они также не бурно – она его с натянутой улыбкой похлопала по плечу, и он направился к машине Фокина.

– Ну что? Как дела?

– Да все нормально.

– Все как планировали?

– Ну да.

– Садись в машину, я сейчас подойду.

Фокину было необходимо задать контрольные вопросы Марии, чтобы окончательно увериться в завершении их отношений, поэтому подробности он у Васьки выяснять не стал, благо внешний вид беседы не создавал ему большого беспокойства.

Рысина уже подходила к входу гостиницы, когда Фокин ее окрикнул.

– Как прошла встреча с Вашей потерей?

– Ничего удивительного и необычного. Я в очередной раз поняла, что мужчины, просто-напросто наделены недоразвитым чувством элементарной порядочности, чести и отношения к окружающим.

– Ну, зачем же обобщать, Мария Сергеевна?

– Вас это не касается, Александр Иванович, Вы, скорее, исключение из этого недоразвитого вида. Кстати, спасибо за беспокойство, с Вами приятно было иметь дело. Жаль, что такие экземпляры среди вашего вида встречаются очень редко. Если будут какие-то проблемы

в Москве, обращайтесь, мой мобильник у Вас есть. Если супруге будет нужен подарок из косметики, я могу подобрать, кстати, Вы женаты?

– Да.

– Жаль, конечно, что мне в жизни достается бог знает, что, а кто-то пользуется хорошим, ну все, пока.

С этими словами Мария зашла в гостиницу. По ее виду было ясно, что продолжать разговор она не хочет. Фокин понял, что все прошло так, как он приблизительно и планировал. Отдельные нюансы он выяснит у Васьки. По крайней мере, он знал, что история эта обрела нужный конец.

Васька сидел понурый в машине Фокина.

– О чем задумался, детина?

– Скотина я, а Машка – баба молодец.

– Ну, давай, догони ее, да покайся, расскажи, что ты на самом деле сделал, менеджер хренов. Если бы я ее не развел на твою мнимую порядочность, я бы посмотрел, что она с тобой сделала.

– Да я не про Вас. Я понимаю все. Не надо

было мне от нее рулить, остаться надо было в Москве.

– Ага. Жениться, а потом грохнуть, и был бы ты сейчас королем парфюма в Москве. Ты бы с этой старушкой в мире и согласии долго не протянул, и что-нибудь бы сотворил, поверь моему опыту, дружище. Так что скажи спасибо, что я тебе все именно так устроил. Давай-ка забывай об этом и займись отработкой мне долга, благо, работа для тебя есть. Мария Сергеевна, когда уезжает?

– Прямо сейчас.

– Ну, тем более, будь спокоен, жди моего звонка.

Фокин отвез Морина домой и появился на службе. В настоящее время пора было доложить о своих наработках Рябцеву, что бы тот был в курсе, разработать план, как действовать дальше.

Итак, что имелось объективно? – Командир части хочет продать военную технику. Судя по тому, что эшелон не загнал на территорию части, то он хочет продать все. На эшелоне десять тягачей и штук двадцать «Уралов». Если брать тягачи по два миллиона, а «Уралы» по одному, то сумма сделки была около сорока миллионов. Эти цены Фокин прикидывал со скидкой процентов на двадцать. По оценке ущерба это будет значительно дороже. Если все «выгорит», то раскрытием этого дела Кордюк будет доволен. Если удастся и «Опеку» накрыть, то это преступление и в области резонанс вызовет.

У Фокина есть «Барчук», который уже

начал движение по поиску покупателя на технику. Дублером ему будет выступать Васька Морин. Получать информацию с двух сторон было делом хорошим. Легче будет выделять и выбрасывать ложную. Дальнейшие события нужно было планировать в зависимости от того, какая информация будет к нему поступать. Неизвестна была технология изготовления документов, или их подмена. В принципе, по большому счету, все это можно было узнать, внедрив своего человека в Опеку и к командиру части, но это можно было сделать только в течение месяцев двух-трех. Нужно было оформить все бумаги, утвердить внедрение. Причем внедрение к командиру части не обошлось бы без ведения ФСБ или контрразведки, а это совсем было не по душе Фокину. Ему хотелось работать самому и добиваться своих поставленных целей. Обычно руководство с чьей-либо стороны в таких делах только мешало потому, что тактика работы уже нарушалась. С этим у Фокина пропадало стремление работать, так как приходилось выполнять порой глупые указания. На данный момент к этому делу он был ближе всех, поэтому и хотел сделать все сам. В одиночку, конечно, это ему было не под силу, поэтому

и была необходимость ввести в курс дела Рябцева. Они с ним были похожи в общих принципах мышления, и он был должен понять Фокина, а при необходимости и людьми поможет, в случае проведения возможных операций. Так думал Фокин, направляясь к Рябцеву в кабинет.

– Ну что там у тебя по краже? А то мне руководство уже всю плешь переело.

– Да по краже, собственно, ничего, тут о другом стоит задуматься. Помнишь разговор у Кордюка?

– Ну.

Тут Фокин вкратце изложил, что у него имеется на Опеку и войсковую часть, естественно без фамилий Морина и Барчука. Он называл их, соответственно, «малый человек» и «большой человек».

– Я думаю, если мы это дело раскроем,

Кордюк будет доволен, ведь Опеку кто только взять не хотел, да ни у кого не получалось. А если это дело выгорит, то нам уже никто ткнуть не сможет тем, что дел у нас серьезных нет.

– Это, конечно, верно, только тут попотеть как следует придется.

– Я думаю, Кордюка сейчас в курс дела

вводить не стоит – сам понимаешь, что к этому делу аховых руководителей помощников приставят, которые своими указаниями и дело завалят и моих людей «спалят».

– А люди-то твои нормальные?

– Один нормальный, а вот малый

свеженький, за ним глаз да глаз нужен, но он и будет вторую скрипку играть. Друг о друге они знать не будут. А у тебя людишек в части нет?

– Нужно подумать. Оформленных нет, но надо списки личного состава посмотреть, может, к кому подход найти и можно. Да, вот что, нужно с народом пообщаться, узнать на кого командир зол, на кого взыскания накладывал, кого часто по службе имеет, кто из части переводиться собирается. Если найдем людей, у кого на командира зуб, то через них и информацию путную получить можно.

Эта мысль Фокину как-то в голову не

пришла, а у Рябцева еще чувствовался порох в пороховницах. Этой темой действительно нужно было заняться.

Они с Рябцевым пытались долго родить еще какую-нибудь идею, прикидывали возможности и варианты продажи техники, и закончилось все бутылочкой с колбаской и сырком.

Дома Фокину пришлось пережить

недовольство Лены в виде фразы: «Что, без стопочки обойтись нельзя было?» Фраза осталась без ответа. Весь вечер он занимался с дочкой, тем более, на это у него оставался лишь час до сна.

Следующий день полностью ушел на

беседы со служащими части, их семьями. Фокин выдумывал тысячи предлогов, сводил разговоры о жизни. Кое-где сквозила нужная информация, и вечером он подводил итоги. По слухам, командир части находился в неважных отношениях с командиром первого участка майором Крыловым. Сказать точно, что послужило причиной конфликта между ними, сказать точно никто не мог. Войсковая часть была не строевой и являлась хранилищем боевой техники округа. В части служили человек пятьдесят контрактников, для того, чтобы ходить в наряды, мести плац и наводить порядок. Остальную службу тащили около ста пятидесяти офицеров и прапорщиков. В их обязанности входило учитывать, принимать отправлять технику и имущество вверенных участков. Майор Крылов на первом участке занимался лесом, тесом, пиломатериалом, деревообработкой и прочими деревянными делами. Отношения к движению техники он не имел, но так как у Фокина вариантов других, кроме Крылова, не было, то он решил

его прощупать, тем более, что он жил недалеко от Заречинского отделения милиции. Фокин решил подождать его со службы возле его дома.

Фокин и Крылов друг друга знали,

здоровались, но близко не общались. Года полтора назад Фокин брал грабителей на квартире в доме Крылова. Ночью пришлось искать понятых – Крылов не отказался. На этом они и познакомились. Он произвел тогда на Фокина нормальное впечатление. По возрасту, он был на пару лет старше Фокина, к роли понятного отнесся с пониманием, лишних вопросов не задавал и на ночной подъем не жаловался, понимал, что это нужно для дела. Может, сказывалось то, что он был военным, а люди в погонах лучше друг друга понимают.

Ожидая Крылова возле подъезда, Фокин придумывал с чего начать разговор. Нужные идеи в голову не шли, и ему в очередной раз пришлось надеяться на экспромт.

– Что-то поздно со службы – протягивая руку, сказал Фокин.

– Можно подумать, что ты с последним пиком домой бежишь.

– Да нет, ты прав, вот сегодня такая необходимость с тобой встретиться возникла, поговорить надо.

– Опять что мои соседи натворили?

– Да нет, разговор у меня к тебе по другой теме есть.

– Слушай, я сегодня без обеда, пошли ко мне, пожрем по-человечески, заодно и поговорим, а то погода сегодня неразговорчивая, того и гляди снег пойдет.

Погода действительно была мерзкая. За

день несколько раз принимался дождь, снежинки тоже срывались. Пока Фокин днем бегал по городу, весь промок и замерз. Его обед составил дежурный беляш с чашечкой кофе, и он с радостью согласился подняться к Крылову.

Обстановка в его квартире тоже была

отнюдь не шикарной. Супруга Крылова быстро накрыла на стол, по просьбе Крылова на две персоны. Борщ был, действительно, хорош, впрочем, возможно это Фокину и показалось, в связи с отсутствием обеда.

– А ты-то что сегодня без обеда остался? Увас вроде бы война войной, а обед по распорядку.

– Ну да, сейчас с этим Корзуном не только без обеда, без сна останешься.

– Да слышал я, что не любит он тебя. На

какую мозоль ты ему наступил? Что он на тебя так взелся?

– Да дело не во мне, он уж год как мое место для кого-то из своих готовит. Он четыре года назад командира транспортного участка выжил, а туда своего человека пристроил, вот теперь видимо и на мое место кандидат нашелся. А мне уж как-то не под года в дежурную часть переводиться – хватит уж на колесах быть, но ничего, мне еще чуть побольше года продержаться, там и пенсия. По моей службе с Корзуном год за три считать нужно, но я мужик крепкий, меня зацепить трудно, так, по мелочи меня щиплет, а все больше злится на то, что укусить серьезно не может. За мной десятка два глаз приставил. Мне мужики говорили, что он за компру на меня внеочередное звание обещал.

– Да, тяжело тебе дослуживать придется. А не боишься, что он тебя как того командира транспортного выживет?

– Там история другая была. Тогда

транспортным молодой лейтенант рулил. Корзун его пару раз по мелочи кольнул, а потом к себе вызвал и по-хорошему ему другое местечко предложил, а тому что – дело молодое, семьи не было. Что здесь в общаге жил, что там в такой же. Он и меня вызывал, намекал

на то, что, не перевестись ли мне, но я, куда с семьей? Надоело уже мотаться. Мы с женой решили, что здесь доживать будем. Вот с того времени у Корзуна зуб на меня и имеется. Но я просто так не сдамся, да и сам в чем-то рад – чтобы он мне пенсию не загубил, у меня сейчас дисциплина как на первом курсе училища – не дай Бог, хоть на секунду опоздание или еще чего. Если раньше после службы мы пивком баловались, то сейчас ни-ни. На своей службе порядок навел, но следить в три глаза нужно, а то докопается до какой—нибудь щепки, из нее бревно сделает и меня снимет, вот поэтому зачастую и без обеда. Ну ладно обо мне, у тебя ко мне какой разговор?

– Да мой разговор уже идет. Мне ведь Ваш командир тоже не нравится. Про «Опеку», наверное, слышал?

– Ох, и хитры вы опера, как ведь умеете под свою тему разговор подогнать – Крылов сказал это без обиды и с улыбкой, видимо с ним было можно переговорить на нужную Фокину тему – а про Опеку я слышал. Этим отморожкам наш шлагбаум открыт. Вроде бы часть режимная, чтобы попасть кучу пропусков оформить нужно, а насчет этих, сам распоряжения отдает, но чего они там перетирают, я не знаю. Ко мне он с ними не касается. Они что-то в транспортном трут. Видел я их как-то там случайно, но мне дела до них нет, мне бы за своим участком уследить, так что в их делах я тебя не просвещу.

– А начальник транспортного кто такой, что из себя представляет?

– Корзун его с прежнего места службы

лейтенантом притащил, из Пензы. Слухи ходят, то ли он ему родственник, то ли сынок шишки какой в округе, но они к себе близко никого не подпускают. Он и к командиру в кабинет дверь ногой открывает, в их делах вряд ли кто в курсе.

Я, конечно, человек маленький, но может ты зря с ним игру затеял, ведь, сколько у нас проверок с округа было? И недостатки крупные выявлялись, но у Корзуна рука и в округе, и в прокуратуре есть. Смотри, какую дачу себе строит. Нам с тобой за всю жизнь на фундамент от нее не заработать, а все проверки в «пшик» превратились.

– А кто из Опеки к нему приезжал?

– Да Бог их знает. Они все на одно лицо – бритые, в коже, с цепью на шее, с перстнем на пальце – молодые. Одного, я слышал, Лимоном кликали.

– Ну ладно, и на том спасибо. Может чего уточнить придется, так я с тобой потихонечку свяжусь. Ну, ты сам понимаешь, что о разговоре нашем никому.

– Да уж понятно, но и ты смотри, шею себе не сломай. Кому другому я вообще бы ничего не сказал, а про тебя люди нормально говорят, так что только тебе. Надеюсь, и ты меня на съедение Корзуну не бросишь?

– Ну, мы друг друга поняли.

Расстались они, действительно, поняв друг друга и что самое главное, при полном взаимопонимании. Информация, конечно, была скудная, но на безрыбье и рак рыба. Фокин уже думал над тем, ну удастся ли зацепить на чем командира транспортного – Капитана Дозина. Он для него был вообще темной лошадкой, по учетам, наверняка, нигде не проходил, но поинтересоваться им было нужно поглубже. Порой, долгая кропотливая работа по просеиванию любой информации, вплоть до того, когда он выгуливает собачку, с кем по вечерам целуется, где окурок бросил, приносила нужный эффект. Но для этого нужно было просеять целую гору ненужного хлама, чтобы та маленькая золотая песчинка оказалась в руках. Это и предстояло сделать Фокину. А времени у него было неизвестно сколько. Командира и «Опеку» нужно будет брать с поличным, иначе действительно отвернутся. Фокин, конечно, мог тормознуть Барчука и Морина с поиском покупателей, но где гарантия того, что Опека без них найдет покупателя, тогда действительно все пропало. Таковыми своими размышлениями Фокин поделился с Рябцевым, и они в очередной раз нашли общий язык. У обоих, правда, возник один и тот же вопрос: стоит ли докладывать о проделанной работе руководству на данном этапе? С одной сто-

роны, формально это сделать необходимо, с другой стороны, была вероятность утечки информации. Если вспомнить всю проделанную работу по Опеке, то мысль об утечке явно напрашивалась. Неужели Хариков самостоятельно мог обдурить всех Борских и областных оперов? Наверняка свои люди у него были и внизу, так как область занималась Опекой самостоятельно и довольно серьезно, но в конечном итоге ничего не получилось. Было вариантом доложить лично Кордюку, с условием, что он никого не будет вводить в курс дела, но опять же, всего говорить было нельзя, сможет ли он понять, что здесь нужно действовать аккуратно, не выпуская ни капли информации. Даже из благих соображений Кордюк мог дать пару указаний, которые будет необходимо выполнить, но которые могут «засветить» игру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.